

КОММЕНТАРИИ

Условные сокращения

БВ — Белоус В. Вольфила [Петроградская Вольная Философская Ассоциация]: 1919–1924: [в 2 кн.]. Кн. 2: Хроника. Портреты. — М.: Модест Колеров и «Три квадрата», 2005. — 800 с. (Исследования по истории русской мысли. Т. 11. Кн. 2).

ВХ — *Ходасевич Вл.* Некрополь. — СПб.: Азбука-классика, 2001. — 320 с.

ИР — Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка / публ., вступ. ст. и коммент. А. В. Лаврова, Дж. Малмстада. — СПб.: Феникс, 1998. — 736 с.

ЛН — Литературное наследство. Том 105: Андрей Белый: Автобиографические своды: Материал к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930-х годов / отв. ред. А. Ю. Галушкин, О. А. Коростелев; научн. ред. М. Л. Спивак; сост. А. В. Лавров, Дж. Малмстад, подгот. текста А. В. Лаврова, Дж. Малмстада, Т. В. Павловой, М. Л. Спивак; статьи и коммент. А. В. Лаврова, Дж. Малмстада, М. Л. Спивак. — М.: Наука, 2016. — 1120 с.

ПД — *Цветаева М. И.* Пленный дух // Собрание сочинений: в 7 т. / сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина. Т. 4. Кн. 1. — М.: Терра, 1997. — С. 221–270.

ШП — *Шпенглер О.* Закат Европы: очерки морфологии мировой истории: в 2 т. / пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна. — М.: Мысль, 1998.

Печатается по изданию: *Андрей Белый.* Одна из обителей царства теней. — Л.: Государственное издательство, 1924. — 74 с.

Согласно дневниковым записям и авторской датировке, очерк «Одна из обителей царства теней» завершен в марте 1924 г., через полгода после возвращения поэта в Советскую Россию, однако книга была выпущена только в январе 1925 г. (этот же год обозначен на обложке издания). Сохранился договор на издание этой книги от 26 февраля 1924 г. за подписями Андрея Белого и председателя Петроградского правления Госиздата И. Ионова (см.: *Лавров А. В.* Андрей Белый: разыскания и этюды. М., 2007. С. 464). Изданию отдельной книги предшествовал ряд предварительных публикаций. Фрагмент произведения, состоящий из трех последних глав («О „негре“ в Европе», «О негре в Берлине и еще кой о чем», «Москва и Берлин»), был опубликован под на-

званием «Европа и Россия» в журнале «Звезда» (*Белый Андрей. Европа и Россия // Звезда. 1924. № 3. С. 52–70*). Глава «О негре в Берлине и еще кой о чем» была представлена в петроградском еженедельнике «Жизнь искусства» (*Жизнь искусства. 1924. 22 июля. № 30. С. 7–9*). Публикация сопровождалась издательским примечанием: «На днях Госиздат выпускает чрезвычайно интересную книгу Андрея Белого под названием „Одна из обителей царства теней“, откуда мы и заимствуем нижепомощаемую главу» (*Там же. С. 7*).

Позднее Андрей Белый указывал в письме П. Медведеву на некорректное отношение к нему со стороны издательства: «...опыт сношения с „Ленгизом“ в прошлом показал все неудобство москвичу иметь дело с сим „высоким“ учреждением; в 24-ом году они издавали мою брошюру „Одна из обителей царства теней“, выпустили, не известили; в московских магазинах брошюры не мог найти; только в 26-ом году получил авт<орские> экземпляры, когда сам явился в Ленинград» (цит. по: *Лавров А. В. Андрей Белый: разыскания и этюды. С. 462; курсив автора*).

Тексту предшествовали три публичных выступления: в декабре 1923 г. поэт выступал в рабочем клубе завода «Анил-Трест» (Москва) с докладом «Впечатление от Берлина», в январе 1924 г. — в театре Мейерхольда (Москва) с лекцией «Одна из обителей царства теней», в феврале 1924 г. — в ленинградской Певческой капелле (см.: *ЛН. С. 481–483, 621–622*). Этапы работы над книгой прослеживаются в переписке Белого с Р. В. Ивановым-Разумником (ноябрь — декабрь 1923 г.): в них содержатся множественные автоцитаты, отсылающие к тексту памфлета, с расширенными авторскими комментариями и пояснениями (комментаторы писем А. В. Лавров и Дж. Малмстад указывают все случаи пересечений (*ИР. С. 249–276*)).

Резонансный характер выступлений Андрея Белого нашел отражение в различных мемуарных очерках. Издательский работник и литератор П. Е. Зайцев окажется свидетелем лекции писателя в театре Мейерхольда. В очерке «Последние десять лет жизни Андрея Белого» Зайцев подчеркивает неконвенциональность текста по отношению к политическим и эстетическим установкам публики и противопоставляет реакции на выступление правого по взглядам «партера» и левых «хоров»: «Публика партера была довольна. А слушатели хоров, кажется, остались при особом мнении. Они ждали заостренного политического материала, а Белый дал свои впечатления от Берлина, от немцев, от русской эмиграции... Хорам этого было мало. <...> Во время лекции Белый получил от одного из слушателей записку: „Андрей Белый, зачем вы вернулись к нам, сюда? Почему вы вернулись?..“ По тону

и содержанию записка носила недружественный характер. Ее мог написать и комсомолец, человек нового, советского поколения, и какой-нибудь старый москвич, человек 1900-х годов, первый — с позиций воинствующего большевизма, второй — с позиций человека, который и в 1923 году не „понимал“ революции, не „принимал“ Октября» (*Зайцев П. Е. Последние десять лет жизни Андрея Белого. Литературные встречи. М., 2008. С. 57–58*).

Филолог, поэт и мемуарист Д. Е. Максимов, оказавшийся свидетелем выступления Андрея Белого в Ленинграде, связывает «затрудненность, шероховатость речи» поэта с «трудным пересмотром» эстетической и политической позиции: «Мои впечатления от этой давней лекции и о брошюре, связанной с нею (я недавно ее перечитал), свидетельствуют о сдвиге в мировоззрении Белого. „Серо-бурый“ буржуазный Берлин послевоенной поры был воспринят им как царство фокстротирующих призраков, как жалкое кладбище когда-то великой германской культуры. Такой же убогой, бездуховной, творчески импотентной представилась ему и нашедшая пристанище в Берлине русская эмиграция. Очевидно, все эти наблюдения и выводы были до предела обострены в восприятии Белого исключительно тяжелым личным поражением — разрывом с мучительно любимой им женщиной, женой Асей. <...> Отчетливо помню текст одной из записок (она была, по видимому, без подписи), которую Белый с дрожанием в голосе прочитал аудитории: „Когда я вас слушаю, мне стыдно за человека“. Эта записка сильно взволновала и расстроила Бориса Николаевича, и он не сумел скрыть своих чувств от публики. Он казался растерянным, разоруженным, почти жалким» (*Максимов Д. Е. Русские поэты начала века. Л., 1988. С. 363*).

НЕСКОЛЬКО ПОЯСНИТЕЛЬНЫХ СЛОВ

с. 8

...психофизиологи вместе с Вундтом...

Вундт В. (1832–1920) — немецкий психолог, философ, языковед. Мультисенсорное переживание «явления аналогии ощущений», возводимое Белым к экспериментам Вундта, в основе которых лежит метод интроспекции — самоотчета испытуемого о комплексе своих ощущений, возникающих при предъявлении определенных раздражителей, широко использовалось в поэтической практике символистов как синестезия.

с. 9

...на всех углах улиц — кафе, рестораны и дилэ...

Дилэ — разновидность русско-немецкого кафе; см. далее о «русско-немецкой кофейне, иль „Дилэ“, где немцы пьют

„Wodka“ и жгучий ликер под названием „Natascha“ и где прислуживают русские офицеры» (с. 30 наст. изд.). Наричательная форма образована Белым от названия берлинского кафе «Прагер Диле» («Prager Diele»), расположенного на Прагер плац. Этот центр русской эмигрантской писательской колонии упоминается Белым в письме Иванову-Разумнику: «Под Новый год в Prager-Diele (такое кафе есть) русские плясали всю ночь напролет; среди них плясал даже (не умея плясать) наш общий знакомый, Сергей Порфирьевич... Думаю, пустился бы в пляс и его патрон, если боной был» (ИР. С. 271). В эссе Марины Цветаевой «Пленный дух» первая эмигрантская встреча «дочери профессора Цветаева» и «сына профессора Бугаева» произойдет именно в этом кафе (ПД. С. 241–243).

Die Diele (нем.) — половица, коридор, прихожая. В активном словаре русских эмигрантов «дилэ» также обозначал «танцевальный зал». См. в воспоминаниях Вл. Ходасевича описание «пьяных танцев», которым предавался Белый в «разных берлинских Dielen» (ВХ. С. 103). См. также в письме Белого актуализацию этого значения: «Да, Берлин — это вывих немецкого сознания; увы, не сдвиг, а — вывих; и потому-то Достоевский (самый популярный в Берлине писатель) есть только явление „вывиха“, а не сдвига в душе немца. Сперва меня умиляла мода на русское все; потом я в ужасе бежал от „русско-немецкого“ быта Берлина; в Берлине — 3 Берлина: „берлинский“ Берлин, „петербургско-московский“ Берлин, или „Scharlottengrad“, как именуют немцы квартал Scharlottenburg, и синтез их по линиям упадка и истерики упадающей немецкой, бюргерской жизни и разлагающейся эмигрантщины; яды разложения русского вчерашнего сознания и немецкого „Preussenthum“, эти «пейтоны», образуют какие-то ядовитейшие соединения; соединяет — надрыв безысходности и безысходный тупик; и в тени тупика вспыхивает лилово-пунцовый свет абажурчика какой-нибудь „Diele“ на Motzstrasse, где скрипач пилит фокстрот, а с ума шедший берлинец танцует над бездной с накрашенной девицею; в таком-то вот „Diele“ (представляете картину?), хозяин которой „любит“ русских, вытесняя на несколько часов „девиц“ и немцев, засадила одно время „берлинская Вольфила“, в маленькой комнатке; в соседней же комнате среди теней мирового тупика и берлинского сумасшествия лилово-пунцовеньких огоньков „девицы“ и снобы Motzstr<asse> ждали окончания заседания „Freie Philosophische Assoziation“, чтобы пуститься в пляс, да русский поэт Кусиков, демонстративно одетый в черкесский костюм, дул коньяк у стойки, восседая на высочайшем стуле и возбуждая шепот: „der Tschereckess“; „Вольфила“ кончалась; и мы шли к столикам соседней комнатки пить пиво и есть „шницели“...» (ИР. С. 272; курсив автора).